

© 2013 г. Т.А. Полякова

УДК 101

ТЕКСТ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ

Text and deconstruction

The problem of the text in the context of the deconstructional approach of Derrida is considered, a feature of which is to overcome the idea of the text as a linguistic phenomenon. It is shown that Derrida argues on textual original thinking, in which there is a culture, and is all conceivable in the text, part of the world as a text.

Key words: text, culture, deconstruction, intertext, letter sign.

Идеи Жака Деррида – французского философа, семиотика, основоположника деконструктивистской теории литературного анализа – оказали решающее влияние на формирование постмодернистской философии культуры. В его текстах наиболее ярко воплотилась интердисциплинарная природа постструктурализма как способа осмысления современного состояния гуманитарного знания, основывающегося на тезисе о художественно-литературном характере мышления. Предметом исследований философа стало «несистемное в философских текстах и те художественные тексты, которые заостряют нашу способность видеть эту несистемность», а способом работы с текстами – «деконструкция – разборка и сборка – философской традиции западной критики разума» [1, с. 9], и в первую очередь, метафизики присутствия и свойственного ей (фоно-)логоцентризма.

Деконструкцию логоцентризма Деррида начинает с деконструкции знака, который в его представлении не связывает материальный мир вещей и идеальный мир языка, т.к. означаемое как материальная вещь не существует, а означаящее отсылает лишь к другому означаемому, играющему роль означаемого. И в этой игре означающих «разница между чувственным означаемым и сверхчувственным означающим исчезает, и в результате... возникают не смыслы, но эффекты, грань между знаком и мыслью стирается» [2, с. 24]. Результатом деконструкции знака становится, с одной стороны, потеря знаком своей первичной опоры – вещи, а с другой, – обретение оригинальности

«вторичного», и в этом контексте письмо как знак знака в своей функции графического означающего фонетического означающего, т.е. двойной вторичности в логоцентризме, берет на себя основные функции языка.

Наиболее известным инструментом деконструкции является операция «различания» (*différance*), изобретенная Деррида в противовес структуралистской статичной оппозиции «различия» (*différence*). Различные значения глагола *différer* («различаться», «отличаться» и «отсрочивать», «откладывать») Деррида соединяет в едином понятии «различание», в котором идея смысловой нетождественности накладывается на представление о пространственной и временной отсрочке: в «различании» осуществляется одновременно «овременивание» пространства и «опространствливание» времени [3, с. 21-22]. Временной интервал, разделяющий знак и обозначаемое им явление, с течением времени в ходе использования знака в языке превращает знак в «след» этого явления, в результате чего слово теряет свою непосредственную связь с референтом, и знак становится обозначением «отсутствия наличия» предмета, т.е. обозначает свое «принципиальное отличие» от самого себя. Это явление и есть «различение», которое «по своей принципиальной «неопределенности» структурно близко фрейдовскому бессознательному» [4, с. 26]. Таким образом, «пространственно-временная закреплённость различения» реализуется в понятии «след», который и определяет «в конечном счете возможность языка и письма». Однако здесь речь не идет о письме как письменности, которое «вторично и производно по отношению к первичному «архиписьму», образованному на пересечении следов различий и различий следов, составляющих исходную сетку различения... Письмо есть двусмысленное присутствие-отсутствие следа, это различение как овременение и опространствливание, это исходная возможность всех тех альтернативных различий и дихотомических разграничений, которые прежняя «онто-телео-логоцентрическая» эпоха считала изначальными и самоподразумеваемыми» [5, с. 163]. Вся система языка в рассматриваемом контексте становится системой «следов», т.е. вторичных знаков, которые опосредованы кодами восприятия читателя, ведь сама природа семиотического постижения мира, согласно Деррида, «настолько опосредована, что это делает невозможным непосредственный контакт с ней» [4, с. 27].

Основной задачей «деконструктивистской программы» Деррида является не столько критика традиционной концепции знака (способов обозначения), сколько критика того, что обозначается, т.е. мира вещей и его законов, которые и являются «трансцендентальным означающим» – порождением западного логоцентризма, стремящегося «навязать смысл и упорядоченность всему, на что направлена мысль человека» [4, с. 32]. И в этом стремлении Деррида обнаруживает «силу желания» и «волю к власти», присущую «западному сознанию», т.е. иррациональность традиционного научного мышления, претендующего на логичность, рациональность, разумность и упорядоченность: например, гуманистическая традиция работы с текстом рассматривается им как практика насильственного «овладения» текстом, подчинения его смысловым стереотипам сознания. Традиционной форме научности Деррида противопоставил специфическую форму «научного» исследования – «грамматологию», которая «должна деконструировать все то, что связывает концепты и нормы научности с онто-теологией, с логоцентризмом, с фонологизмом» [6, с. 43]. Стремление Деррида показать принципиальное преимущество грамматологии над фонологией (принципом фонологизма) связано с тезисом о преимуществе графического оформления языка над устной речью, т.к. в его представлении письмо как символическая модель мышления важнее речи.

Концепция «письма» у Деррида выводится из деконструктивистского анализа текстов Платона, Руссо, Гуссерля, Соссюра, которые рассматриваются им как наиболее яркие примеры «логоцентрической традиции», опирающейся на приоритет устной речи по отношению к письму. Он пытается выявить источник внутреннего противоречия данных текстов, рассматривая язык в качестве социального института, задающего норму, под которую «подстраиваются» его отдельные конкретные носители для того, чтобы быть понятыми в межиндивидуальном общении. Эта ориентация на нормативность выступает в качестве «архиписьма», являющегося условием как речи, так и письма в узком смысле слова, которое и создает источник внутреннего противоречия текстов. Он определяет «архиписьмо» как фундаментальный уровень бытования знаков, в котором закрепляется знаковая игра скрытых различий, смещений, следов, т.е. «архиписьмо» создает коммуникативное поле, управляя знаковыми системами [2, с. 24-25]. При этом Деррида сосредотачивается не на проблеме устного узуса, а на способах

обозначения, т.е. на произвольности в выборе означающего для того или иного означаемого. Следовательно, проблема «письма» как «материальной фиксации» лингвистических знаков в виде письменного текста расширяется: «Хотя «письмо» означает запись и прежде всего прочное установление знака (таково единственное неразложимое ядро понятия письма), письмо вообще покрывает все поле языковых знаков... Сама идея установления знака и, следовательно, его произвольности немыслима до возможности письма и вне его горизонта» [7, с. 165]. По сути, Деррида отрицает существование «культурного сознания», оторванного от предшествующей традиции, которая существует в форме текстов, составляющих в своей совокупности «письмо». В то же время, он признает, что невозможно отыскать «предшествующую» любому «письму» первоначальную традицию на всю хронологическую глубину – ведь любой текст должен ссылаться на еще более древний текст: «и так до бесконечности, ибо в тексте мы читаем, что всякое абсолютное наличие... уже исчезло или же вовсе не существовало, а смысл и язык открываются нам лишь благодаря письму как отсутствию некоего естественного наличия». В результате – «внетекстовой реальности вообще не существует», т.к. «нет иного доступа... к так называемому «реальному» существованию, кроме как через текст», следовательно «реальная жизнь существ «из плоти и крови»... всегда была письмом и только письмом» [7, с. 313-314], т.е. культурным текстом. Таким образом, Деррида, следуя структуралистским идеям о панъязыковом характере сознания, рассматривает весь мир как бесконечный, безграничный текст: «вне текста не существует ничего» [7, с. 318], при этом самосознание личности предстает тоже как некоторая сумма текстов среди текстов различного характера, составляющих мир культуры, следовательно, любой индивид находится «внутри текста, где мы, по-видимому, и существуем» [там же].

Объясняя свою идею о том, что «внетекстовой реальности не существует» [7, с. 313] Деррида указывает, что «выдвигать тезис, согласно которому не существует абсолютного вне-текста, – это не значит постулировать идеальную имманентность, непрерывное восстановление отношения письма к самому себе. ... Если вне текста ничего нет, этим предполагается, что... сам этот текст оказывается уже не закрытым в себе нутром некоего внутреннего пространства или самотождественности..., а иным расположе-

нием эффектов открытости и закрытости» [8, с. 46], т.е. речь идет о «размыкании» контура текста, обращении его против любой трансцендентности. Следовательно, если текст даже отсылает непосредственно к внетекстовому референту, тем не менее, он всегда отсылает к некоторому другому тексту – и это устранить или преодолеть невозможно, т.к. в любой ситуации всегда существуют другие тексты или контексты, которые являются источником данного текста, при этом ни один из этих источников не может стать по-настоящему первоначальным.

Деррида считает, что текст не может определяться только лингвистически: «высказывание «нет ничего вне текста»... означает, что текст не просто речевой акт» [9, с. 74]. Текст должен рассматриваться как некоторое концептуальное пространство, в котором культура оформляет свою дискурсивность: «Допустим, этот стол для меня – текст, и то, как я воспринимаю этот стол, – уже само по себе для меня текст» [там же]. Таким образом, задачей деконструкции является преодоление представления о тексте как только лингвистическом феномене, т.к. система репрезентации любого феномена всегда отсылает к другой системе репрезентации, где само обращение к данному феномену определено потоком других систем репрезентаций, прочтений, интерпретаций. И с этой точки зрения, любой текст изначально является интертекстом, т.к. «другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях, в более или менее узнаваемых формах», причем интертекстуальность в качестве предварительного условия бытия любого текста «не может быть сведена к проблемам источников и влияний» [Barthes, 1973 (цит. по 10, с.333)]. Следовательно, текст должен рассматриваться как трансформация изначального множества текстов, как переплетение культурных текстов, конституируемых не знаками («означающими»), а «фабрикой следов, цепочкой текстуальных референциалов, в чье силовое поле попадает само понятие текста, и даже интертекста» [11, с.30]. Таким образом, идея текста неотделима от идеи интертекста, который парадоксальным образом предшествует текстуальности, зарождающейся в бесконечной множественности текстов.

Смещение философских, исторических, художественных, научных текстов и вымысла, опора на нелингвистические способы коммуникации «выливается в некий гипертекст - подобие искусственного разума, компьютерного банка данных, текстуальной машины, лабиринта значений», в рамках которого и ро-

ждается метаязык деконструкции как соединение философского и литературного языка. Его использование размывает традиционные антиномии, исчезновение которых не приводит к хаосу, а порождает «новую конфигурацию философско-эстетического поля, чьей доминантой становится присутствие отсутствия, открытый контекст, стимулирующий игру цитатами, постмодернистские смысловые и пространственно-временные смещения» [2, с. 22]. Таким образом, Деррида «приводит язык во «взвешенное состояние», совершая челночные операции между языковой эмпирией и философией» [там же], стремясь выйти за рамки метафизики, «начать все сначала» в ситуации утраты ясности, смысла и понимания, заново погрузиться в стихию текста. Его изощренный словесный анализ, выявляющий спонтанные смещения смысла в разнообразных контекстах, ведет к рассеиванию оригинального текста, который теряет начало и конец, превращаясь в дерево без ствола и корней.

Интертекстуальность – это текстуальная интеракция (Ю. Кристева), которая создает «поле резонанции» в самом тексте, но одновременно обращает текст к диалогу с другими текстами, т.к. тексты не только соотносятся друг с другом, но еще связаны «широким кругом различных систем репрезентаций, символических формаций и т.п., которые в свою очередь также могут быть прочитаны как тексты или метатексты» [11, с. 29]. При этом текст не может выступать в качестве центрирующего начала, он всегда «между формой и содержанием дискурса или некоей несоизмеримостью означающего и означаемого» [8, с. 27], его реальность всегда предполагает «множественность расфокусированных источников смысла», при этом он «отвергает наличие оснований», устремляясь к «цепочкам дифференцированных следов, а потому даже всеобщий текст, понятый как культурный универсум, противостоит какой бы то ни было теории и практике центрации» [11, с. 29]. Этот всеобщий текст представляет собой сетевое пространство, и поэтому все тексты равноправны и существуют одновременно для восприятия, пронизывая и перетекая друг в друга, и все это ведет к постулированию нетождественности текста самому себе, а следовательно, к отказу от истинности его смыслов. Таким образом, текстуальность является формой организации знания, «графической перкусией человеческого мышления», а определение мира как суммы текстов предстает «макромоделью восприятия и оформления действительности в виде определенного сюжетного модуля» [11, с.30], т.к. реальность всегда уже

есть текст, ведь мир предстает перед человеком лишь в форме текстов и историй о нем. Эта позиция бытия-в-тексте есть не просто констатация текста – это и есть развернутое тело текста, поэтому высказывание: «вне текста не существует ничего» [7, с. 318], по сути, утверждает изначальную текстуальность мышления, в рамках которой существует культура, – все мыслимо в тексте, все является частью мира как текста. Причем текстуальность восприятия мира определяется как невозможностью культуры существовать вне текста, так и тем, что все внешнее по отношению к тексту производится в самом тексте: «Мы ограничиваемся... только «текстуальными» признаками вместо того, чтобы ввязываться в единственный фундаментальный спор, поддерживая его классическую форму... лишь по той причине, что здесь мы оказываемся в точке, в которой разыгрывается отношение «текста» – в классическом узком смысле этого слова – к «реальности», так что речь идет о понятиях текста и внетекстового, о трансформации их отношения... Новый текст, который задерживает нас и, как кажется, нас ограничивает, это снова бесконечный выступ своего классического представления» [8, с. 42-43]

Подчеркивая опосредованность восприятия действительности дискурсивной практикой, Деррида замечает, что «внетекстовой реальности вообще не существует» не только потому, что к ней нет иного доступа, «кроме как через текст» [7, с. 313], но и сама реальность находится в одной плоскости с ее рефлексией, т.е. мышление скорее конструирует реальность в виде объекта своего познания, чем отражает ее. И с этой точки зрения любая теория представляет собой «лишь совокупность текстов, принадлежащих нашей истории и нашей культуре. А поэтому, налагая свой отпечаток на наше чтение и наше интерпретирующее письмо, она не является таким общим принципом или истиной, которую можно было бы изъять из системы текста, где мы находимся, чтобы прояснить эту систему со стороны. В известном смысле мы находимся внутри... текста» [7, с. 316]. Деррида, разясняя понятие «текста», подчеркивает, что текст – это «не «книга», не «письмо» или «след», точно так же, как и не бумага, на которую нанесены графические символы...», текст служит «стратегическим целям», и поэтому философ расширяет его понимание «почти до бесконечности», т.е. размыкает его лингвистические границы. Следовательно, нет ничего «вне текста», т.к. любая реальность и любой субъект «являются частью этого всеобщего текста, который нельзя читать как книгу,

потому что он представляет собой поле взаимодействия самых различных сил... и поэтому деконструкция – это... теоретико-философский, практический и политический подход к осмыслению действительности» [12, р. 168]. И здесь возникает вопрос об ответственности самой деконструкции за все происходящее, т.к. она в итоге сама является частью реальности, т.е. ее идеологической ангажированности. Таким образом, позиция Деррида по отношению к «проблеме текста» состоит в том, чтобы показать, почему любая теория «должна была бы подвесить или в крайнем случае усложнить... наивную открытость, которая соотносит свой текст с вещью, с референтом, с реальностью или даже с последней семантической или понятийной инстанцией» [8, с. 53]. Такой подход заставил его обратиться к вопросам самореференции, причем проблема заключается не в обращении «текста» к «означаемому» как «внешнему миру», а в том, как понимается эта «внешность» (мира, методологической установки, критической позиции и т.п.).

В этом контексте также возникает проблема взаимодействия языка и текста: «Люди, предпочитающие определять как «язык» то, что я называю «текстом», поскольку я как-то написал: «нет ничего вне текста», обычно переводят и интерпретируют мое высказывание так: «нет ничего вне языка». Тогда как... дело обстоит совсем наоборот – деконструкция началась с деконструкции логоцентризма,... с попытки избавить опыт мысли от господства лингвистической модели» [13, с. 153-154]. Поэтому Деррида пришлось расширить понятие текста, «обобщить его»: у «текста» больше нет ничего «внешнего», ему нет предела – он внеположен языку, который всегда является лингвистическим феноменом, понимание и интерпретация которого так или иначе опосредованы текстом. Следовательно, различие языка и текста заключается в том, что «у языка есть внешнее»: ««быть за пределами языка» для меня означает материю следов различных текстов в самом широком смысле» [13, с. 155], т.е. быть «за пределами» языка означает принадлежать «реальности текста».

Таким образом, текст в концепции Деррида предстает как «сложноорганизованное многосмысловое гетерогенное образование, возникающее «в развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур» как «практика означивания в чистом становлении» и способное генерировать новые смыслы» [14, с. 24]. Текст – внутренне неоднороден, связи в нем нелинейны: «"Работа" Текста совершается в сфе-

ре означающего. Порождение означающего может происходить вечно посредством множественного смещения, взаимоналожения, варьирования элементов» [там же]. Текст открыт «внешнему», не имеет границ, ему присущи множественность, интертекстуальность, он создается из других текстов, по отношению к другим текстам, он не объект, а карта, «имеющая свои дороги и их невидимые ответвления, подземные пути и так далее», или «хартия в смысле конституционном» [13, с. 181], т.е. мир в его концепции превращается в текст, «конституируется» как текст. «Текстуализация» реальности ведет к размыванию границ между различными языками культуры, в том числе, между литературой и философией, которой теперь отказано в превосходстве над литературой репрезентировать бытие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автономова Н.С.* Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
2. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
3. *Косиков Г.К.* Текст. Интертекст. Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
4. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
5. *Автономова Н.С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977.
6. *Деррида Ж.* Позиции. М., 2007.
7. *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000.
8. *Деррида Ж.* Диссеминация. Екатеринбург, 2007.
9. Интервью с Жаком Деррида // *Arbor Mundi / Мировое Древо.* М., 1992. № 1.
10. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.
11. *Азарова Ю.О.* «Текст» и «текстуальность» в текстах Ж. Деррида // Вестник Житомирского государственного университета им. И. Франко. Житомир, 2003. № 12.

12. *Derrida J.* But, beyond...: Open letter to Anne McClintock and Rob Nixon /Transl. by P.Kamuf/ // *Critical Inquiry*. Chicago, 1986. Vol.13. №1 (Autumn. 1986).
13. Жак Деррида в Москве. М., 1993.
14. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. М., 2001.

L I T E R A T U R E

1. *Avtonomova N.S.* Derrida and grammatology // *J. Derrida, Of Grammatology*. Moscow, 2000.
2. *Mankovskaya N.B.* The aesthetics of postmodernism. St. Petersburg., 2000.
3. *Kosikov G.K.* Text. Intertext. Intertekstologiya // *Pege-Gro H.* Introduction to the theory of intertextuality. Moscow, 2008.
4. *Ilyin I.P.* Post-structuralism. Deconstruction. Postmodernism. М., 1996.
5. *Avtonomova N.S.* Philosophical problems of structural analysis in the humanities. Moscow, 1977.
6. *Derrida J.* Positions. М., 2007.
7. *Derrida J.* Grammatology. Moscow, 2000.
8. *Derrida J.* Dissemination. Ekaterinburg, 2007.
9. Interview with Jacques Derrida // *Arbor Mundi / World Tree*. Moscow, 1992. No 1.
10. Postmodernism. Encyclopedia. Mn., 2001.
11. *Azarova J.O.* "Text" and "textuality" in the texts of Derrida // *Herald of Zhytomyr State University*. Franko. Zhitomir, 2003. No 12.
12. *Derrida J.* But, beyond ...: Open letter to Anne McClintock and Rob Nixon / Transl. by P.Kamuf // *Critical Inquiry*. Chicago, 1986. Vol.13. Number 1 (Autumn. 1986).
13. Jacques Derrida in Moscow. Moscow, 1993.
14. *Skoropanova I.S.* Russian postmodern literature. Moscow, 2001.